

В. Г. Короленко

В голодный год

Наблюдения и заметки из дневника

В. Г. Короленко. Собрание сочинений в десяти томах
Том девятый. Публицистика
М., ГИХЛ, 1955

Подготовка текста и примечания С. В. Короленко

OCR Бычков М. Н.

Вместо предисловия

В конце февраля 1892 года, в ясный морозный вечер, я выехал из Нижнего-Новгорода по арзамасскому тракту. Со мною было около тысячи рублей, отданных добрыми людьми в мое распоряжение для непосредственной помощи голодающим, и открытый лист от губернского благотворительного комитета, которому угодно было, с своей стороны, снабдить меня поручениями, совершенно совпадавшими с моими намерениями. Таким образом, при своей поездке я предполагал совместить две задачи: наблюдение и практическую работу. Для того и другого я, как оказалось, очень наивно отвел себе один месяц...

Вместо одного -- три месяца пришлось мне провести в уезде, не отрываясь от этой затягивающей работы, и затем опять вернуться туда, до нового урожая... Теперь передо мною мелко исписанная книжка. Это -- мой дневник: факты, картины, мысли и впечатления, которые я, усталый и порой глубоко потрясенный всем, что доводилось видеть и чувствовать за день, заносил вечером, по старой профессиональной привычке, в эту истрепавшуюся дорогой книжонку, где-нибудь в курной избе, в гостинице уездного города, в помещичьей экономии. Восстанавливая их теперь, я надеюсь, что они не лишены некоторого интереса. Пусть это неполно, сбивчиво, необработано и нецельно. Зато -- это прямое отражение той самой жизни, которая, со всеми своими парадоксами, проходила перед моими глазами...

Я знаю, чего ждет читатель от корреспондента из голодных местностей, в особенности от корреспондента-беллетриста: сгущенной яркой картины, которая сразу заставила бы его, городского жителя, пережить и перечувствовать весь ужас голода, растворила бы его сердце, заставила бы раскрыться его кошелек... Я знаю умных людей, приезжавших из столиц и с удивлением замечавших, что, например, в Нижнем-Новгороде на улицах не заметно никаких признаков, по которым можно бы сразу догадаться, что это -- центр одной из голодающих губерний. Такие же умные (без всякой иронии) люди привозили из деревень в Нижний-Новгород самые противоречивые и спутанные известия... Даже на месте, в волостях, только привычный глаз отличит по первому взгляду голодающую деревню от сравнительно благополучной. Ребятишки катаются с гор на салазках, курится над трубами жидкий дымок, в окна глядят на проезжего равнодушные лица... А где же самый голод?

Я знаю, что, прочитывая мои листки, читатель будет, пожалуй, не раз спрашивать с таким же удивлением: а где же голод? голод, который должен потрясти, ошеломить, вывернуть человека наизнанку? "Голод, это -- когда матери пожирают своих детей", -- писал еще недавно один господин. При Борисе Годунове матери, действительно, ели детей; на базарах, по свидетельству историков, продавали порой человеческое мясо; три женщины в Москве заманили мужика с дровами во двор, убили его, разрубили на части и посолили... Вот голод!..

С этого времени мы прожили почти три столетия, но и тогда напрасно было бы подозревать каждую мать в пожирании детей, и не каждый мужик с дровами подвергался опасности быть убитым и съеденным, а если бы тогда были корреспонденты, то и им пришлось бы отмечать факты далеко не на каждом шагу. Человеческое воображение устроено таким образом, что все исключительное, выходящее из ряда, запечатлевается в нем сильнее и ярче. Когда нынешнее бедствие отодвинется в прошлое, то, наверное, оглядываясь на него, мы увидим над общим уровнем мрачные памятники, символы, которыми